

НОВГОРОД И НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

НОВГОРОД • 1994

**Н О В Г О Р О Д
И Н О В Г О Р О Д С К А Я З Е М Л Я
И С Т О Р И Я И А Р Х Е О Л О Г И Я**

(Материалы научной конференции.

Новгород, 26—28 января 1994 г.)

В ы п у с к 8

Новгород 1994

¹² Н. В. Тухтина по находкам монет склонна датировать курганы началом XI в. (см. Указ. соч. С. 133). Учитывая верхние даты чеканки монет, а также определенное время, необходимое для проникновения монет на Русь и их попадание в погребение, точнее будет сузить дату серединой — третью четвертью XI в. Этому не противоречит набор инвентаря.

¹³ См.: Тухтина Н. В. Указ. соч. С. 133.

¹⁴ Седов В. В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // СА. 1961. № 2. С. 103—121; Рябинин Е. А., Чудские племена Древней Руси по археологическим данным // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 94.

¹⁵ См.: Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973. С. 67—70.

¹⁶ См.: Седов В. В. Этнический состав населения Новгородской земли // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 78—79; Хвощинская Н. В. Население восточного берега Чудского озера // Финны в Европе. VI—XV века. М., 1990. С. 11.

¹⁷ Имеются ввиду раскопки в Новгородской обл. у с. Дрегли Любытинского р-на и д. Заручевье Окуловского р-на (см.: Мильков В. В. Отчеты за 1990—1992 гг. // Архив ИА РАН)

К. А. Михайлов

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ВСАДНИЧЕСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Массовое появление в древнерусских погребальных и поселенческих памятниках большого количества импортных типов оружия, снаряжения всадника и коня и «социально престижных» типов вещей, распространение этого набора в восточноевропейских могильниках IX—XIII вв. традиционно связывается с древнерусской дружинной культурой. К ее изучению обращались многие отечественные археологи — А. В. Арциховский, М. Х. Алешковский, А. Н. Кирпичников и др. Нами сделана попытка рассмотреть модель развития части «дружинной» проблематики — всаднической. Под всаднической субкультурой (далее ВС) подразумевается комплекс снаряжения коня и всадника и набор оружия, связанный с этим комплексом, т. е. набор вещей, который отражает высокую степень освоения коня. На существование ВС могут указывать такие определенные типы погребального обряда, в которых присутствует конь или снаряжение воина-всадника, и сведения письменных источников. Ко-

нечной стадией формирования ВС можно считать появление института профессиональной тяжеловооруженной конницы как особого привилегированного рода войск.

Выделяются три хронологические группы источников: «славянская» — до IX в., «варяго-русская» — с IX по XI в., «древнерусская» — с XI по XIII в. На первом этапе археологические находки памятников от Днепра до Волхова очень немногочисленны. Так из насыпей культуры смоленских длинных курганов (Цурковка, Демидовка,⁷ Слобода-Глушица и др.) происходят шпоры с пластинчатой дужкой и пуговицеобразными утолщениями или крючками на концах¹. Там же найдены четыре обломка удила, стрелы, трапцевидные железные подпружные пряжки, бляшки от уздечных наборов, стрелы². Есть единичные находки оружия, шпор, пряжек, удила на памятниках типа Тушемли-Банцеровщины (Дедиловичи, Шугайлово, Новоквасино)³. Известны отдельные находки оружия и конской упряжи в псковских длинных курганах⁴. В ареале культуры сопок к этому кругу древностей можно отнести железные удила из клада IX в. на городище Холопий Городок, зооморфные псалии, погребение коня с деталями уздечного набора и железное кнутовище с подвесками из сопки № 2 в урочище Плакун⁵. Предметов всаднического снаряжения и оружия в этот период известно очень немного. Они разбросаны на огромных территориях и мало характерны для вещевых наборов погребальных и поселенческих памятников Восточной Европы IV—IX вв., соотносимых со славянами. Археологическим материалам не противоречат синхронные им письменные источники. Некоторые из них относятся к действиям славян на Балканах, но, принимая дунайскую версию расселения восточных славян, можно считать использование этих свидетельств корректным.

(Иордан о событиях IV в.)... Херманарик также двинул войско на венетов, которые, хотя и достойные презрения из-за их (плохого) вооружения, но могучие своей численностью...⁶.

(Прокопий Кесарийский IV в.). Вступая же в битву, большинство (славян) идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда не надевают...⁷.

(Иоан Эфесский IV)... люди простые (славяне), которые

не осмеливались показаться из лесов и защищенных деревьев (мест) и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, а именно это — метательные копья⁸.

(Стратегикон Маврикия конец VI — нач. VII вв.). Каждый мужчина (славянин) вооружен двумя небольшими копьями, а некоторые из них и щитами, крепкими, но труднопереносимыми. Пользуются они также деревянными луками и небольшими стрелами... Если же и придется им отважиться при случае на сражение, они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крик и, не стремясь испытать в рукопашной силу своих врагов, убегают в леса...⁹.

(Ибн-Русте VIII—IX вв.). Вьючных лошадей у них (славян) мало, а верховых животных имеет только упомянутый муж. Оружие их — копья, щиты, дротики; у них (ничего), кроме этого¹⁰.

Письменные источники, рассказывая о славянах, упоминают их плохое вооружение, пеший строй, партизанскую тактику ведения войны, отсутствие организации. Исключением является сообщение Прокопия Кесарийского об отряде конных византийских наемников состоящем из гуннов, антов и славян¹¹. Также в рассказе об осаде Константинополя в 626 г. есть эпизод, когда славяне, бывшие союзниками авар, появились там вооруженные копьями, а некоторые в доспехах¹². Несмотря на бурный дунайский период с победами над византийской армией, захватами императорских табунов и оружия, постоянные стычки с врагами, славяне продолжают оставаться пешими, плоховооруженными и два вышеприведенных упоминания так и остаются исключительными. Первые изменения в этом фиксируются в Великой Моравии, где вместе с возникновением государства появляется княжеская дружина и многочисленные мужские погребения с оружием и снаряжением всадника¹³. Однако, к славянам лесной зоны этот процесс не имел отношения. У Ибн-Русте и в «Стратегиконе» Маврикия они остаются пехотой и в военном отношении ставятся ниже также сражающихся пешими «рыжеволосых» варваров-германцев¹⁴. Вероятно, для этого периода можно отметить низкую степень развития военного дела и начало освоения коня. Последнее, видимо, произошло на территориях наибольшего

соприкосновения славян с «конными» народами — на Дунае и в Панонии.

На следующем этапе появляются «дружинные» могильники на территории Руси: в Ладоге, Гнездово, Чернигове, Киеве и др., с погребениями с оружием и элементами ВС. Во всех из них известны погребения в камерах или срубных гробницах с наборами оружия, украшениями, снаряжением всадника и коня, захоронениями коней¹⁵. К этому же кругу можно отнести богатые сожжения в больших насыпях Гнездово и Чернигова с аналогичным инвентарем. Значительная часть воинского снаряжения — ланцетовидные и удлинненно-треугольные наконечники копий, ланцетовидные наконечники стрел, каролингские мечи, скрамасаксы, круглые щиты с оковками по краю и сфероконические умбоны, некоторые типы уздечных наборов, ледоходные шипы, «звучащие» плети, некоторые типы топоров — связываются со скандинавским или северо-европейским влиянием на Русь IX—XI вв. Большинство «дружинных» типов погребений имеют многочисленные аналогии в могильнике Бирка в Швеции, могильниках Дании и т. д. Другая часть воинского снаряжения — шлемы сфероконической формы, сложносоставные луки, конструкции седел, детали налучий и колчанов, кистени, булавы, чеканы с узким треугольным или трапецевидным лезвием, стремяна, удила, нагайки, уздечные гарнитуры имеют восточное происхождение. Они, вероятнее всего, появлялись через степных соседей Руси. Подавляющая часть всаднических аксессуаров происходит не с поселений, а из погребальных памятников. Последние различаются по концентрации оружия, элементов ВС и встречаемости захоронений коня. Различия в «дружинной» погребальной обрядности позволили А. Н. Кирпичникову заключить, что с X в. в составе дружин русов сражались разноруженные отряды пехоты и конницы. Это не подтверждается письменными источниками.

(Ибн-Русте VIII—IX вв.) Русы мужественны и храбры. Когда они нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат. Ростом они высоки, красивы собой и смелы в нападениях. Но смелости этой на коне не обнаруживают: все свои набеги и походы производят они на кораблях¹⁶.

(Ауфи — X в.). Они (русы) совершают походы на отдаленные земли, постоянно странствуют по морю на судах, на-

падают на каждое встречное судно и грабят его. Могуществом они превосходят все народы, только что у них нет лошадей...¹⁷.

(Ибн-Мискавейх — X—XI вв.). Сражаются они (русы) копьями и щитами, опоясываются мечом и привешивают дубину и орудие подобное кинжалу. И сражаются они пешими, особенно эти прибывшие (на судах)...¹⁸.

(Ибн-Фадлан — нач. X в.). С каждым из них (русов) имеется секира и меч и нож и он (никогда) не расстается с тем, о чем мы сейчас упомянули. Мечи их плоские с бороздками, франкские¹⁹.

(Лев Диакон — X в.). Скифы (русы) всегда сражаются в пешем строю... Тавроскифы (русы Святослава), увидев приближение умело продвигающегося войска были поражены неожиданностью... Но все же они поспешно покрыли плечи щитами (щиты у них прочны и для большей безопасности достигают ног) выстроились в грозный боевой порядок, выступили на ровное поле перед городом и, рыча наподобие зверей, испуская странные, непонятные возгласы, бросились на ромеев²⁰.

(Степанос Таронский — XI в.). Тогда весь народ Рузов, бывший там, поднялся на бой: их было 6000 человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Вассилий у царя Рузов²¹. В один ряд с этими отрывками можно поставить следующие сообщения: о битве Ярослава и Мстислава Владимировичей в 1024 г. под Лиственом, разгром лишившихся кораблей воинов Владимира Ярославича в 1043 г. под Варной; битву Ярослава с печенегами под Киевом, описанную в Пряди об Эймунде²². В этих и других событиях русы постоянно выступают в качестве тяжеловооруженной пехоты, что отметил еще Г. С. Лебедев²³. Можно допустить, что в этот период вместе с оружием и погребальной обрядностью скандинавское влияние выразилось на территории Восточной Европы в развитии и сохранении традиций пешего боя. В самой Скандинавии дружина и конунг сражались пешими вплоть до XIII в., что зафиксировано в сагах и хрониках. Конь в Северной Европе долгое время использовался только как транспорт²⁴ или для хозяйственных нужд состоятельными членами социума. Так зимой конунг и его дружина на санях объезжали страну и во время такой поездки погиб Хальвдан Черный, также путешествовали сбор-

щики дани в Саге об Эгиле и т. д.²⁴ Даже если к месту сражения скандинавы часто подъезжали верхом, то перед сражением они обязательно спешивались. На основании имеющихся данных можно утверждать, что в эпоху викингов конницы в Северной Европе не было. Вероятно, об аналогичном положении на Руси свидетельствуют сообщения ПВЛ, когда информируют о конных передвижениях княжеских дружин, но не упоминают о конных схватках в это время.

(968 г.)... Святослав вборзе всед на кони с дружиною своею, прииде ко Киеву²⁵...

(971—972 г.)... Рече ему воевода отень Свенельд: Поиде, княже, на конех около, стоять бо печенези в порозех²⁶.

(977 г.). Побегошю же Олгу своими вои в град (на КО-НЕХ)²⁷...

(1015 г.). Глеб же вборзе всед на кони с малою дружиною²⁸...

В письме Бруно Квертфуртского королю Генриху II зимой 1008 г. упоминается о том, что князь Ярослав с дружиною верхом сопровождал его до границы²⁹. В Пряди об Эймунде как наемники скандинавы, так и русы используют коня для поездок, но спешиваются перед боем³⁰. Единственное упоминание о коннице русов — это свидетельство Льва Диакона об эпизоде при осаде Доростола: «...скифы (русы) к концу дня выехали из города верхом — они впервые появились тогда на конях»³¹. Но эту неудачную попытку историк привел как смехотворный курьез, который ни до, ни после не повторился. Этот способ ведения войны, по мнению Льва Диакона, был для них не характерен. Единственно, с кем на данном этапе связывался боевой конь — это военный вождь — князь. Это можно подтвердить несколькими примерами. Так малолетний Святослав открывает сражение с древлянами, сидя на коне, а его дружинники бросились на врага пешими. Одновременно византийцы могли видеть его же под Доростолом, сидящем на коне посреди пешей фаланги русов, когда его ранил Анемас из свиты императора Цимисхия³². В образе воинов-всадников предстают скандинавские и германские вожди Эпохи переселения народов и раннего Средневековья: Тотила — король остготов, Тьедрек с надписи на камне из Рек, Харальд Хардрада, Сверир и др.³³ Конунг-всадник перед пешей дружиной —

обычная картина у германцев Тацита, остготов в Италии, франков до битвы при Пуатье, скандинавов и англо-саксов до 1066 г. Но тогда встает вопрос о том, как же быть со свидетельствами об участии в походах русских князей боеспособных отрядов конницы. Это несоответствие можно разрешить, если обратиться к Льву Диакону и Скилице, которые, рассказывая о войнах Святослава в Болгарии, упоминают, что вся его кавалерия состояла из венгров и печенегов³⁴. В походе 944 г. на Византию принимали участие печенеги, а под 985 г. ПВЛ сообщает, что Владимир и Добрыня шли на болгар в лодьях, союзные же им торки на конях шли берегом³⁵. В тех редких случаях, когда в составе войска русов упоминается конница, оказывается, что в походе участвовали союзники-степняки. Вероятно, использование конницы степняков было обычной практикой в Древней Руси и до и после XI в. Если считать, что конных отрядов у русов не было, то как же быть с многочисленными проявлениями ВС в погребальной обрядности в древнерусских могильниках? Этот вопрос можно разрешить, если вспомнить о том скандинавском влиянии, которое испытывала Русь до XI в. во всех сферах культуры и особенно в дружинной. Если рассмотреть скандинавские аналогии, то яснее станет картина и на наших территориях. Конь занимает важное место в скандинавских мифах и сагах, где он является спутником богов и героев, жертвенным и священным животным, сопровождал умершего в загробный мир. Образ умершего в качестве воина-всадника нашел яркое отражение в могилах Венделя и в камерных погребениях Бирки, на изображениях поминальных камней острова Готланд. На последних конь не только магический спутник и перевозчик умершего в мир мертвых, но он же подчеркивает социальный статус последнего, обеспечивает ему триумфальный въезд в Вальгаллу. Вероятно, именно эта сцена изображена на камне VIII—IX вв. из Лэрбо Тэгелгорда I³⁶. Скорее всего, целая группа населения в Скандинавии ассоциировалась у современников с оружием и конем. Возможно, что представители именно этой группы похоронены в вендельских могильниках, где были вместе встречены богатый набор защитного и наступательного оружия и полный набор снаряжения всадника и коня, многочисленные захоронения лошадей. Следует отметить, что часть исследователей отметила малоприспособность вендельских комплексов для на-

стоящего боя и их парадно-сакральный характер³⁷. Этот вывод косвенно подтверждает отсутствие стремян и пехотный характер вооружения. Стоит также отметить, что в это время на большей части Европы были распространены малорослые породы лошадей, которые были не приспособлены нести всадника в полном вооружении и участвовать в бою. Та же ситуация сохраняется и в эпоху викингов, когда были распространены лошадки около 130 см в холке с толстой, короткой шеей. В то же время, на Востоке у народов, имеющих давние традиции конного боя, существовали специально приспособленные породы лошадей, которые кроме выносливости обладали высоким ростом (до 150 см в холке)³⁸.

В итоге, можно отметить, что на основании имеющихся данных нельзя говорить о существовании развитой ВС и конницы на территории державы Рюриковичей с IX по XI вв. Различные типы погребальной обрядности с конем, комплексами снаряжения воина-всадника и импортами, видимо, свидетельствуют о присутствии в Восточной Европе активных разноэтничных групп населения, распространении через скандинавов общеевропейских типов оружия, повышении роли коня как показателя престижности и освоении его верховой социума в качестве верхового животного.

На третьем этапе — с середины XI в. до XIII в. можно отметить ряд существенных изменений. Так в результате христианизации населения Древней Руси исчезают богатые погребения «дружинного» типа городских могильников. Снаряжение коня и всадника, оружие исчезает из погребений сельских и городских могильников в XII в. или иногда встречается на границах государства. Основной материал по ВС для этого периода получен из слоев древнерусских поселений. Одновременно происходит почти полная смена комплекса оборонительного и наступательного вооружения. Круглый щит с умбоном заменяется удобным для защиты всадника миндалевидным, шире чем прежде, распространяется доспех и различные типы шлемов, каролингские мечи сменяются романскими типами и т. д. От кочевников были заимствованы сабля, пика, кистень и булава, многие разновидности всаднического снаряжения. В последнем происходит качественный скачок: так исчезают «шумящие» металлические плети и широко распространяются шпоры с круп-

ным шипом и нагайки, низкое седло сменяется жестким с высокой лукой, которое удобно для ближнего конного боя, появляются различные типы стремян и т. д. Эти археологические данные (собранные А. Н. Кирпичниковым), произведения изобразительного искусства домонгольской поры и письменные источники свидетельствуют о появлении в этот период профессионального конного воина. С началом этого же этапа можно связать и первое упоминание о конном сражении, в котором участвовали древнерусские дружинники — это битва под Сновском, где Святослав Ярославич с дружиной «ударил в конь» и разгромил половцев в 1069 г.³⁹ Далее упоминания в летописях конных сражений с применением древнерусской дружины становятся обычным явлением. Возможно, что этому способствовало появление в причерноморских степях новых орд кочевников и включение части степняков, в виде черноклобуцкого союза, в состав древнерусского государства. С середины — конца XI в. мы имеем сложившуюся государственную структуру, зафиксированную в законодательстве и других письменных источниках, общую для всей территории — древнерусскую культуру, т. е. только с этого момента, когда можно говорить собственно о государстве фиксируется появление тяжеловооруженной конницы, которую обычно связывают со структурами княжеской (феодальной) дружины. Аналогичное явление можно наблюдать в Польше Болеслава Храброго, у западных славян в правление князей Готшалка и Генриха в Дании Кнута Могучего, в Венгрии при короле Иштване и т. д.⁴⁰

Окончательное формирование ВС в древнерусском государстве происходит не ранее середины XI в., после длительного процесса освоения коня в Восточной Европе, многочисленных заимствований снаряжения всадника и коня, а также, вероятно, практических навыков коневодства и представлений о роли коня в культуре, у соседних народов. В X в. такое влияние могли оказывать скандинавы. Необходимо осторожнее относиться к погребальным древностям с оружием и элементами ВС в определении их как погребений конных воинов или дружинников, поскольку в варварском обществе иметь оружие должен был каждый свободный. Не следует прямо проецировать представления, связанные с погребальными традициями, на живую куль-

туру Древней Руси IX—XI вв.

¹ Перхавко В. Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы. // СА. 1978. № 3.

² Енуков В. В. Ранние этапы формирования Смоленско-Полоцких Кривичей. М., 1990. С. 66, 68, 70.

³ Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э. — VIII в. н. э.). Минск, 1978; Шмидт Е. А. Памятники типа Тушемля — Колочин и формирование древнерусских племен в северной части верхнего Поднепровья. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев. 1990. С. 44.

⁴ Кузьмин С. Л. О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 90—91.

⁵ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 181; Орлов С. Н. Сопки волховского типа около Старой Ладogi. // СА. Т. XXII. М., 1955. С. 197—203.

⁶ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1991. С. 111.

⁷ Свод... С. 185.

⁸ Свод... С. 279.

⁹ Свод... С. 351.

¹⁰ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М., 1967. С. 119.

¹¹ Свод... С. 117.

¹² Боровский Я. Е. Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград. // Древности славян и руси. М., 1988. С. 115.

¹³ Рутка и А. Войско и вооруженн в великоморавский период. // Великая Моравия и ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 158; Великая Моравия. Тысячелетняя традиция государства и культуры. Прага. 1963. С. 53, 55.

¹⁴ Маврикий. Стратегия и тактика (перевод Цыбикова). СПб., 1903. С. 178.

¹⁵ Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовици. Киев, 1977. С. 128—131, 138—141; Жарнов Ю. Э. Погребальный обряд Древней Руси по материалам Гнездовского могильника. Автореф. канд. дисс. М., 1992. С. 14; Каргер М. К. Древний Киев. М., Л., ч. I. 1958. С. 178—182; Недошвина Н. Г. Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимеревского могильника. // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.

¹⁶ Заходер Б. Н. Каспийский свод... С. 97.

¹⁷ Заходер Б. Н. Каспийский свод... С. 98.

¹⁸ Якубовский А. Ю. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г.—943/44 г. // Византийский Временник. Т. XXIV. Л., 1926. С. 65.

- ¹⁹ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 141.
- ²⁰ Лев Диакон. История. Л., 1988. С. 70, 71.
- ²¹ Васильевский В. Г. Труды. Т. 1. СПб., 1908. С. 200.
- ²² Сага об Эймунде. // Сборник классических иностранных произведений в переводах русских писателей. Воронеж. 1875. С. 151.
- ²³ Лебедев Г. С. Русь и чужь, варяги и готы. // Славяно-русские древности. Т. 1. Л., 1988. С. 95, 96.
- ²⁴ Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 42. Исландские саги. М., 1956. С. 221.
- ²⁵ Радзивилловская летопись. // ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 34.
- ²⁶ Радзивилловская... С. 37.
- ²⁷ Радзивилловская... С. 37.
- ²⁸ Радзивилловская... С. 60.
- ²⁹ Латиноязычные источники по истории Древней Руси. М.; Л., 1989. С. 50.
- ³⁰ Сага об Эймунде... С. 156, 165.
- ³¹ Лев Диакон... С. 75.
- ³² Лев Диакон... С. 80.
- ³³ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 477—478; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 156; Снорри Стурлусон. Круг... С. 455—456.
- ³⁴ Лев Диакон... С. 58, 201.
- ³⁵ Радзивилловская... С. 25; Радзивилловская... С. 41.
- ³⁶ Лебедев Г. С. Погребальный обряд скандинавов Эпохи Викингов. Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Л., 1972. С. 156.
- ³⁷ Lindqvist S. Gotlands Bildsteine. Stockholm. Bd. 1. 1941. Рис. 86.
- ³⁸ Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов. // СА. Т. XVI. 1952. С. 186—187; Graslund A. S. Birka IV. The Burial Custom. Stockholm. 1980. S. 41.
- ³⁹ Радзивилловская... С. 161.
- ⁴⁰ Лойберг М. Я., Шляпентох В. Э. Общие факторы формирования феодальной системы хозяйства в Восточной Европе. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин. 1971.

Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская, И. Янссон
ПО СЛЕДАМ ЗАБЫТОЙ КОЛЛЕКЦИИ
НОВГОРОДСКОГО МУЗЕЯ

(могильник у дер. Кривой Наволок на р. Паше)

В архиве Управления охраны памятников и Государст-